

ТОРЖЕСТВА

А.А. Ефимов, Ю.А. Неклюдов
(г. Саратов)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. К СТОЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ САРАТОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В.И. РАЗУМОВСКОГО

В 2012 году кафедра судебной медицины Саратовского Государственного медицинского университета пересекла вековой рубеж своего существования. За это время из стен кафедры вышло немало учёных, профессоров и доцентов, крупных организаторов судебно-медицинской службы страны, руководителей республиканских и областных бюро судебно-медицинской экспертизы, высокопрофессиональных экспертов-практиков, которые внесли существенный вклад в развитие судебно-медицинской науки и практики и в совокупности составили общепризнанную в России Саратовскую школу судебных медиков.

Организатором кафедры судебной медицины Николаевского университета и учебного процесса стал приват-доцент Санкт-Петербургской Военно-

медицинской академии Сергей Петрович Вертоградов. Назначением послужил приказ, который далее приводится в его подлинном варианте: «Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 11 августа 1912 г. за № 54 ассистент Санкт-Петербургского Клинического Военного госпиталя, приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, доктор медицины, коллежский советник Вертоградов переводится на службу экстраординарным профессором Императорского Николаевского Университета по кафедре судебной медицины с 1 июля». С.П. Вертоградов был единогласно избран Ученым советом университета на искомую должность заведующего кафедрой судебной медицины и приступил к исполнению своих обязанностей.

18 сентября 1912 года Сергей Петрович прочёл вступительную лекцию на тему «Историческое развитие и обзор современного состояния судебной медицины», а через неделю приступил к систематическому изложению курса для студентов седьмого семестра. Лекции сопровождались демонстрацией рисунков из атласов, схемами и таблицами, изготовленными самостоятельно самим С.П. Вертоградовым. Но уже в октябре С.П. Вертоградов организовал интенсивные закупки и заказы необходимого оборудования у основных отечественных и зарубежных фирм. От фирмы Рейхерта в Вене, Альтмана в Берлине и фирмы Цейсс были выписаны различные микроскопы, несколько микротомов, приборы и химическая посуда для токсикологических и судебно-химических исследований, инструменты для вскрытия. Для библиотеки университета

были приобретены полные комплекты немецких, французских и российских журналов по судебной медицине и антропологической криминологии. Сверх того для кафедры были приобретены 27 ранее защищенных в России диссертаций по судебной медицине, токсикологии и судебной химии.

К тому периоду строительство основных корпусов университета еще не было завершено, кафедра не имела своего помещения и лекции читались в так называемой профессорской комнате временного корпуса университета (в последующем - здание Областного медицинского училища на ул. Чернышевского). Первые вскрытия проводились в прозекторской городской больницы (ныне - приёмное отделение 1-й городской клинической больницы).

Уже через месяц после начала работы в университете проф. С.П. Вертоградов был избран членом профессорского дисциплинарного суда и оставался в его составе во всё время своего пребывания в Саратове. В марте 1913 г. проф. С.П. Вертоградов был избран Советом Университета в комиссию по выработке предложений по изменению законодательства Российской Империи, которые было необходимо подать в Межведомственную комиссию Министерства Народного Просвещения. Интересно, что одной из задач этой комиссии была выработка мнения «насколько существующие врачебные степени и звания... соответствуют современным задачам... и не следует ли ввести в будущий закон некоторые степени и звания, выдвинутые в последнее время жизнью и вошедшие уже в обиход,

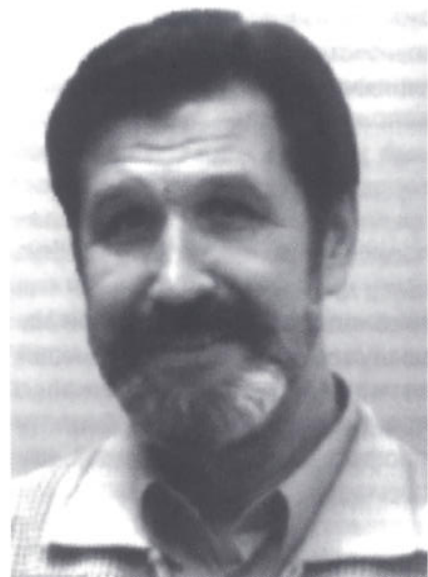
но не санкционированные законом, как то: санитарные врачи, судебные врачи, полевые хирурги, врачи-бактериологи, лабораторные врачи, врачи-рентгенологи и т.п.». Тогда же, в марте 1913 г., проф. С.П. Вертоградов был избран членом еще одной комиссии - по определению, какие должности надлежит причислить к освобождающим от воинской повинности.

В начале 1913 г. избранный Советом на должность помощника прозектора по кафедре судебной медицины лекарь Г.И. Баджиев приступил к сдаче теоретических экзаменов на степень доктора медицины, но вскоре сдачу прекратил, мотивируя болезнью.

По завершении весеннего семестра 1913 г. проф. С.П. Вертоградов по решению ректора направляется в длительную, на всё каникулярное время, командировку в Москву, Казань, Юрьев, Харьков и Варшаву «для ознакомления с постановкой преподавания и оборудования судебно-медицинских кабинетов в старых университетах - с сохранением содержания и выдачу пособия в размере 100 руб. из специальных средств университета». Попутно он производил закупки и заказы необходимого для кафедры оборудования в столичных отечественных фирмах и в представительствах основных зарубежных фирм.

Второй год существования кафедры оказался очень тяжелым. Проф. С.П. Вертоградов серьезно заболел. Это было предметом обсуждения на заседании Совета университета 28 октября 1913 года. Исполняющий обязанности ректора проф. Н.Г. Стадницкий

Продолжение на стр. 2

А.К. Семячков (г. Тюмень)

УЗНИК ТОБОЛЬСКОГО ЦЕНТРАЛА

Конец мая. Жара, редкая для Тюмени. Даже морговская «прохлада» кажется спасительной. Начало отпускной кампании и для судебно-медицинской экспертизы. Задыхаемся от рабочей перегрузки и духоты.

...С утра звонок из Тобольска. Военный трибунал, прибывший из Омска¹ во вторник, не начинает рассмотрение дела об убийстве военнослужащего, труп которого вскрывал местный судебный медик. Третий день его не могут найти, чтобы вызвать в качестве эксперта.

Мчатся в Тобольск, когда в тюменском морге трупов невпроворот, ну просто нет никакой возможности. Набираю тобольскую судмедэкспертизу – оказалось, что доктора ищут и без меня. Родственники, отчаявшиеся похоронить умерших, осадили морг и ни в чём не повинного главного врача больницы, штурмуют горисполком и горком партии, всех, кто, по их мнению, обязан... Прокуратура, милиция и персонал морга вяло отбиваются от наседающих просителей. Без толку провисев всю среду на телефоне, дозваниваюсь к вечеру до тобольского оперативника Саши, знакомого по работе в Нефтеюганске, и прошу прояснить ситуацию. Через час, проведя розыскные мероприятия по известным ему адресам и явкам, он доложил конфиденциальный и безутешный результат. Как я и думал, «болезнь века»² вырвала без вести пропавшего Юрия Ивановича из наших ослабленных отпусками рядов. Тобояки не первый раз страдали от этой вынужденной безысходности, трудно и привычно претерпевали ситуацию, не донося на единственного специалиста в Тюмень и не обращаясь к нам за помощью. Так, в ожиданиях и метаниях пролетела неделя.

Военной юстиции из соседней области нет никакого дела до

наших временных, якобы, трудностей. В пятницу на проводе снова Тобольск. Председатель военного трибунала командирским голосом объявляет мне ультиматум: «Если завтра утром на заседание не явится судебно-медицинский эксперт, то я возвращаюсь в Омск и докладываю о срыве судебного процесса по Вашей вине в округ»³. Устрашённый предстоящей выволочкой от столь весомых, но неведомых мне и далёких начальников, радуюсь, что трибунальщик не догадался позвонить в облздравотдел Семовских⁴. Если бы это случилось, и Юрий Николаевич снизошёл до «беседы» со мной, то в Тобольск пришлось бы мчаться прямо из его кабинета. Ситуация складывалась тупиковая. Если страсти будут так накаляться, то и моего непосредственного начальника поднимут с сочинского пляжа. Отступить некуда: заверяю трибунальского командора, что завтра в субботу эксперт будет. Безо всякой надежды последний раз отзваниваю в тобольский морг. Получив ответ: «Нет, не появился», ныряю в спёртую духоту ночного поезда.

...Трибунал заседал в знаменитой Тобольской тюрьме с более чем полуторавековой историей⁵. В другое время я непременно заинтересовался бы ею. Именитые политические арестанты – Достоевский, Чернышевский, Короленко. Декабристы, петрашевцы, польские революционеры, «белые» и «красные» гражданской войны, жертвы сталинского режима, диссиденты хрущёвской оттепели... Тюремные бунты уголовников, подавленные с феодальной жестокостью. Последующие мстительные убийства в городе наиболее одиозных начальников тюрьмы сообщниками на воле. Захват заложников... Сейчас мне было не до этого. Я томился у контрольно-пропускного пункта огромного замка, в который власти набивали в военные годы более двух тысяч заключённых, в ожидании пока весть обо мне от дежурного дойдёт до начальника страшного учреждения и вернётся обратно разрешением на доступ в режимный объект. Получив «добро», вслед за тюремным офицером иду длинными мрачными коридорами,

мимо бесконечного ряда камер, обезображенных засовами, и постепенно пропитываюсь тем несравненным запахом, который присущ всем местам заключения. Не морщусь, чтобы не обидеть моего то ли конвоира, то ли охранника. Всегда помню брезгливые гримасы, с зажиманием носа платочком, посетителей судебно-медицинских моргов: «Как вы тут работаете?». От таких «деликатных» реплик становится обидно за себя, опустившегося до такого презренного рабочего места, и стыдно за общество, опустившее последнее пристанище человека на земле до столь непристойного состояния. «Парфюм» в морге, конечно, другой, но дискомфорт тот же. Движемся с остановками перед глухими решётками, разделяющими каземат на изолированные секции. Ключи от замков есть только у надзирателя блока, который по сигналу офицера пропускает нас дальше и сразу гремит за нашей спиной железом, запирая временно открывшийся проход. Только после этого распаивается следующая дверь. Незыблемое правило – две смежные двери не могут быть открыты одновременно. Удивительно, как при такой неукоснительно соблюдаемой системе из этого централа совершены легендарные побеги, память о которых бережно хранят в мельчайших подробностях поколения эков и надзирателей.

Наконец мы добрались до просторного зальчика, выделенного под заседания трибунала. Судя по стендам, в нём проводятся политинформации и учебные занятия для тюремного персонала и военнослужащих. Охраняли тюрьму внутренние войска МВД СССР. Солдат-первогодка разрядил по неосторожности автомат в живот своему товарищу, скончавшемуся на месте. Где-то рядом была оружейная комната, в которой и произошло убийство. Так что место преступления и место предстоящего вынесения приговора почти совпадали.

Само дело с юридической точки зрения не стоило выеденного яйца. Достаточно взглянуть на доставленного с гаупвахты обвиняемого солдатика в наручниках, сидящего за некрашенной

решёткой из толстого арматурного прута, под конвоем своих же товарищей. Мальчонка был потерян настолько, будто убийство произошло только вчера. Отец убийцы и мать погибшего сидели рядом. Смертельная забава детей не сделала их врагами.

Гражданская юстиция щёлкнула бы такое дело мигом и не поперхнувшись. Двухмесячное предварительное следствие родило бы томик уголовного дела, которое суд рассмотрел самое большее за полтора дня, ограничившись допросами подсудимого и непосредственных свидетелей. Остальные документы были бы только оглашены, в том числе экспертное заключение и без приглашения судебного медика.

Но преступления военнослужащих подведомственны военной юстиции, которая в мирное время, при отсутствии локальных конфликтов и армейских ЧП, просто изнывает от безделья. Следовательно военной прокуратуры добросовестно и неоднократно допросил весь персонал тюрьмы, назначил все возможные экспертизы (судебно-медицинскую, баллистическую, трасологическую, психологическую, психиатрическую и пр.), провёл следственные эксперименты и проверки показаний на месте, изучил личность преступника, начиная с криминологических характеристик предков, и с учётом воспоминаний («Знаете, каким он парнем был?!») приятелей по песочнице в детском садике. Итог его кропотливого труда – семитомное дело возвышалось двумя неравными белыми башенками на столе перед председательствующим в трибунале лейтенантом юстиции. Всего лишь, но суровым. Открыв судебное заседание, заслушал доклад секретаря о явке в суд всех участников. Объявил состав суда, разъяснил всем, в том числе и мне, права и обязанности. Установил порядок исследования доказательств, из которого следовало, что до меня очередь дойдёт в лучшем случае к концу дня.

Возмущению моему не было предела. Да, в законе прописано присутствие эксперта с самого начала судебного следствия⁶. Поэтому трибунал и не приступал без меня. Но если держать нас в судах, то некому будет выполнять текущую судебно-медицинскую работу. Осознавая это, суды приглашают экспертов очень

Продолжение. Начало на стр. 15

редко, обходясь зачитыванием его заключения. Если же эксперт всё же необходим, то по телефону всегда согласовывается время прибытия, длительность работы в суде и вопросы, которые предстоит разрешить. Как правило, эта договорённость соблюдается. Наиболее галантные или «воспитанные» нами судьи обеспечивают эксперта транспортом «туда-обратно». По прибытии врача судья заканчивает, а то и прерывает текущее действие, например, допрос подсудимого, и переходит к работе с экспертом. Столь уважительное отношение к судебным медикам было привычным и само собой разумеющимся. В тюменской цейтнотной суматохе я попытался проговорить эти вопросы по телефону с председателем трибунала, взбешённым расхлябанностью неподвластной ему медицины. Но наткнулся на жёсткое: «Решу в заседании». И вот решил!

Пока я прохлаждаюсь в тюремном центре, мои коллеги в тюменском морге героически закрывают отпускную брешь, расширенную моим отсутствием. Пытаясь исправить положение, я вскочил и без разрешения трибуналистика заявил свое предложение об изменении последовательности судебного следствия. Председатель не терпящим возражений голосом сделал мне замечание за нарушение порядка в зале, заявив, что он уже вынес определение о порядке исследования доказательств и ничего менять не собирается. Моя выходка была пресечена в такой уничижительной форме, что я почувствовал себя маленьким беспомощным винтиком судебной машины. В обычном суде я бы психанул и, будучи полностью процессуально неправым, демонстративно покинул зал. Потом последовали бы неизбежные разборки, но особый негласный статус судебного медика удалось бы отстоять. В данном случае это исключалось, так как выбраться из режимной зоны без разрешения солдафона невозможно: по отношению к участникам процесса он был главнее начальника тюрьмы.

Остаётся побег. Для организации онго решил по всем правилам «воровского» искусства сначала изучить противника. Обратил внимание на манеру военного судьи вести процесс. Говорил он чётко, без малейшей запинки и как бы наизусть. Так работают роботы с их безгранич-

ной машинной памятью. Лейтенант незаметно косил глазом в сторону машинописного талмудика, лежащего перед ним, и изредка перелистывал его. Понаблюдав, догадался, что шпаргалка является сценарием судебного представления, которому главный режиссёр следовал непреклонно. Обычно судьи ведут процесс по упрощённой схеме, пропуская или подразумевая многие, казалось бы, формальные моменты. Не скажу, чтобы это была отрыжка «сталинских троек», скорых на расправу. Но элемент рационализма в такой минимизации был. Здесь же трибуналистик, в строгом соответствии с уголовно-процессуальным кодексом РСФСР⁷, задан был целью передопробить весь гарнизон, гражданских служащих и администрацию тюрьмы, то есть повторить многомесячную работу военного следователя. Стало ясно, что он ни на йоту не отступит от накатанной и законной схемы.

Пока военный педант допытывал бесконечную вереницу «вторичных» свидетелей, я переключился на поиск сообщника моего замысла. В качестве такового более всего подходил тюремный старшина, выполнявший роль связного между председательствующим и вызываемыми на допрос. Сегодня бы мы сказали, что он выполнял функции судебного пристава. Это был среднего роста, крепко сбитый мужчина (даже сквозь гимнастёрку проступал мышечный рельеф), с невыразительным, но подвижным лицом. Поведенчески напоминал Алексашку Меньшикова⁸ в начале карьеры. Каждого, кто обращался к нему, он буквально ел глазами, демонстрируя полное внимание только к этому человеку. Но в его поведении была огромная разница, обусловленная положением обратившегося. Если это был «старшой», например, военный прокурор, то он всем своим видом выказывал такое угодничество, что обласканный его вниманием чин преисполнялся значимостью собственной персоны и просто млел от самолюбивого восторга. Если же это был рядовой конвоя, периодически менявшегося около подсудимого, то старшина наливался грозной свирепостью, крепкие кулаки сжимались ещё крепче: «Смотри, мол, мне!». Того и гляди, если бы не посторонние, даст в морду. Даже свидетелей он приводил в зал по-разному. Если в двери первым появлялся старши-

на, то за ним неуверенно плёлся солдатик. Если – офицер тюрьмы, то за ним чуть ли не маршировал подобострастный старшина. К нам, гражданским и временным для него лицам, он занимал промежуточную, но достаточно льстивую позицию. Правда, после моей стычки с председательствующим, он почувствовал во мне какую-то независимую силу и, на всякий случай, поднял планку моего почитания. Каждую мизансцену он проигрывал мастерски и молниеносно переходил от одного состояния к другому.

Во время обеденного перерыва «приезжие» участники процесса вышли в другую комнату, где угодник-старшина суеился вокруг крашеного в синий цвет стола, не прикрытого даже простынкой. В «люминиевых» солдатских площадках по команде старшины были поданы первое, напоминавшее неудавшийся рассольник, и на второе – хлебообразные котлеты с перловкой. Не сомневаюсь, что начальник тюрьмы мог устроить за счёт общака царский пир, но не решился на это, прознав через старшину о неприступном нраве трибуналистика. На третье старшина самолично запарил густейший чай. Улучив мгновение, когда лейтенант с прокурором вышли в коридор покурить, а старшина, почтительно согнувшись, подавал мне в деформированной кружке дымящийся кипяток, я обратился к нему с вопросом: «Как выбраться отсюда?». Несостоявший царедворец мигом сообразил, в чём дело, и скосил свои округлившиеся от возлагаемой на него ответственности глаза в сторону коридорной неплотно прикрытой двери. При этом, молча отказывая мне, он был сама преданность. Только что хвостом не вилял. Я понял, что побег не состоится и придётся покориться бездушной солдафонской воле. С огорчения хлебнул обжигающего тюремного чайку. Слизистая оболочка рта с первого же глотка задубела так, что показалось – никогда более не доведётся мне ощутить вкус перца и водки. В таком плотном коричневом чифире не утонет даже топор. Осторожно допил анестезирующий напиток под ласковым взглядом старшины, излучавшего счастье от доставленного мне удовольствия. По моей просьбе старшина выделил солдата для сопровождения в штаб, где я сообщил по телефону в Тюмень о своём невольном плене. Товарищи мне, конечно, не поверили. Для

них, вскрывавших по десять трупов в день, я был предателем, слинявшим на курорт, хотя бы и тюремный. Тобольский морг по-прежнему осаждали рассвирепевшие родственники.

После обеда судебная тягостина продолжилась. В конце вечернего заседания неумолимое занудство председательствующего принесло первые плоды. Сюрпризом явился вызов на допрос секретаря комсомольской организации воинской части, написавшей полгода назад по запросу следователя военной прокуратуры характеристику на обвиняемого. Оказалось, что секретарь судебного заседания, весь день строчившая протокол, и есть вызываемый на допрос комсорг. Лейтенанта это озадачило, но ненадолго. «Посоветовавшись» с талмудиком, он объявил, что секретарь заседания, давшая положительную характеристику на убийцу, может быть заинтересована в результатах судебного рассмотрения в пользу подсудимого. На этом основании он решил аннулировать прошедшее заседание, заменить секретаря на другого и завтра начать судебное следствие с самого начала.

Если бы я смог взорваться, то разлетелся бы на куски: сегодняшняя бестолковка плавно смещалась на воскресенье и вновь придётся слушать дубль первого судебного дня. На трибунку для выступающих попаду, возможно, к вечеру. Оставалась вялая надежда, что при новом рассмотрении порядка исследования доказательств лейтенант смилостивится и, я попаду в первую десятку допрашиваемых. Военный правовед, явно удовлетворённый победой закона над здравым смыслом, объявил заседание законченным. Старшина, прожигая меня преданным взглядом, проводил к выходу из тюрьмы и выпустил через КПП на волю. Я рванул в тобольский морг, чтобы успеть до ночи вскрыть самые «скандальные» трупы. К моему удивлению, окна мертвецкой, окружённой измученными родственниками, приветливо светились. В секционном зале смиренно трудился временно одолевший «зелёного змия» Юрий Иванович. Не могу приводить свой монолог, состоявший из всех бранных слов, какие я только знал. Из-за ограниченного словарного запаса пришлось повторяться. Вся эмоциональная отрицаловка, накопившаяся против председате-

ля трибунала, обрушилась на бедного доктора. В этот момент я явно превосходил в суровости тюремного старшину. И даже взмахнул, жестикулируя, сжатыми кулаками. В ответ врач кротко молчал, сосредоточившись на вытаскивании органокомплекса из очередного трупа. Легальными словами отдал напоследок распоряжение: «Чтобы завтра утром был в трибунале, а то...!». А что «а то...!», я и сам не знал. Работать в морге и сейчас не рвутся, а тогда каждый труповскрыватель был дорог. Чего не скажешь в запальчивости?

Ночным поездом возвращался в Тюмень. Плацкартная вонь, не уступающая по удушливости тюремной, и чифирь, от которого сердце колотилось как у космонавта перед стартом, не давали уснуть. Перебирая в памяти прожитый день, вспомнил, как во время единственного судебного перерыва забрёл в солдатский туалет. На стене висел в деревянной рамке и под стеклом отпечатанный на пишущей машинке | табель оснащения:

«Швабра – 1
Ведро оцинкованное – 1
Ветошь – 1

Ответственный – ефрейтор Замурзаев Н.Н.».

Умилило, что бумага была заверена круглой печатью и утверждена командиром воинской части № 6715. Как не самим командующим военным округом? Опись, учитывавшая даже половую тряпку, свидетельствовала о столь незыблемом порядке во внутренних войсках, что я проникся к нему уважением. И понял, что лейтенант является достойнейшим элементом этой образцовой системы, в которой начинал когда-то с рядового и сейчас поддерживает её в исправном состоянии. И

поступать иначе он не может. Так состоялась моё заочное примирение с профессионалом высочайшей пробы.

...В воскресенье из Тюмени дозволился до тобольского морга. Меня заверили, что Юрий Иванович за ночь вскрыл все трупы, а сейчас с утра – в тюрьме. Положив трубку, я посочувствовал ему. Сколько ещё дней придётся жить в таком изнурительном режиме, разрываясь между моргом и трибуналом? До очередного судебного сюрприза? Или пока у побеждённой зелёной гидры вновь не отрастут головы...?

¹ До 20.04.1986 Тюменская область была закреплена за военным трибуналом Омского гарнизона.

² В Советском Союзе, не звавшем сегодняшнего разгула наркомании, ВИЧ и других половых инфекций, самым страшным в социальном отношении был алкоголизм.

³ Тюменская область входила в Сибирский военный округ, центром которого был Новосибирск.

⁴ Семовских Юрий Николаевич руководил здравоохранением «большой» Тюменской области в 1952–1983 годах.

⁵ Тобольская тюрьма (1809–1989). Современный вид приобрела в 1855 году по завершении строительства тюремного замка. В разные годы выполняла функции

каторжной, центральной, пересыльной, специальной и пр. Закрывалась как учреждение ЯЦ-37.

⁶ Статьи 268, 272 и 279 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (действовали до 1.07.2002).

⁷ Уголовно-процессуальное законодательство определяет порядок производства по уголовным делам как на предварительном следствии, так и при судебном разбирательстве.

⁸ Меньшиков Александр Данилович (1673–1729), начал с продавца пирожками, при Петре I дослужился до генералиссимуса и полного адмирала, стал богатейшим и светлейшим князем. Петр II лишил все этого и сослал в Сибирскую губернию – в Берёзово (находится на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа).